

в поле с ним наслаждается.» Та женщина встала, эти слова услышала, принесла ножницы, пояс тот на мелкие куски разрезала, бросила. Муж пришел, заговорил с женою. Жена в разговор не вступила. Он сказал: «Жена, чего ты не разговариваешь?» Она сказала: «Дай мне развод или выгони юношу.» Он взял того юношу, повел его ночью, на одной горе они легли спать. Разбойник (затем) вернулся домой. А тот юноша спал там в горах.

(Продолжение рассказа, записанного мною уже на другой день от того же лица).

Адыгюзаль пошел в один сад, в этом саду заснул. Одна девица пришла воды выпить к источнику, смотрит — юноша спит у источника, посреди сада. Она села у головы юноши, на скамье, опустила покрывало на свое лицо, поставила восемьдесят прислужниц кругом себя, заиграла на «сазе», заиграла на гармонии, (прислужницы) запели песню. Адыгюзаль проснулся, встал, рассердился на это дело. Те танцевали. Адыгюзаль сел на своего коня, не остался, поехал, рассердился. Девица взяла саз, взмолилась к юноше: «Из далекого пути ты пришел, не уходи, мой друг-соловей, ты устал, ты измучился, не уходи, мой друг-соловей!» Юноша сказал ей: «Ты расселась, словно царевна, не разговаривай (имя девушки было Назлу ханум), не разговаривай (не упрашивай), Назлу ханум, ты меня сочла за ничего, не разговаривай, Назлу ханум!» Девушка ему сказала, взяла золотое яблоко, юноше хотела взятку дать, (подкупить) юношу: «Ты не уходи, я на твою голову надену (царский) венец, ты не уходи, мой друг-соловей, я тебе подарю это золотое яблоко, не уходи, мой друг-соловей!» Юноша ей сказал, ответ дал: «Я на себя (и сам) надену шаль из тармы,¹ не разговаривай, Назлу ханум, то золотое яблоко — наследство, осталось тебе от твоего отца, ты не разговаривай Назлу ханум!» Девушка сказала прислужнице: «Этот юноша что говорит?» Прислужница ей сказала: «Он пришел из за тебя самой, с тем золотым яблоком что ты сделала?

¹Повидимому, юноша этим хочет сказать, что если он захочет, он и сам может стать богатым, одеваться в дорогие одежды.

Он (его) не хочет, ты подыми завесу своей красоты, пусть он в тебя влюбится, не уходит!» Девушка подняла чадру. Тот юноша влюбился, не ушел. — (Рассказ) кончился, (весь) вышел!

IV.

Hés-be Jamani šahrda glai tajir, čai nom xoja Nasir be, ištá-nan sšnsiz. Čai sanat áv bē — moł bjsani vā báhvatī. Í kara móljš (mólöš) sē vā ba ro daginīe, ba Isfohoni šahār daxil bē. Ba šahr oma pešt, jārjšon kaše ki xoja Nasir oma bo moł havatē. Xaļx girdá be čai tóniku. Piášone moli bjsanin nisijá. Ai nj doe, votše: «Ba í kasi badom ba náγd.» Avon sai (sē) njznē. Xoja Sefi omē, mólöš sē vā púlöšan náγdiš doe. Xoja Nasir išta moli havatá ba pešt γardaštij be di xoja Sefi vā čai tóniku i šav γonaγ bē. Xoja Sefi xoja Nasirjš várde išta hama ženon tóniku vā votše: «γardaš (boili), či čil ženada Xido ba mi avlódijš ni dóše.» Váxti mašta be, xoja Sefi xoja Nasirjš bárde boγ novniše. Omain glai hovzi tóniku, víndjšone — hovzi djlada glai sef e šéda — be šéda. Xoja Sefi vótše: «Čama di kasí-an avlódijmon ni, in sefi báhamon, babē, — vóte, — Xido čávada ba ma avlod bída.» Šártjšon kárde: «ägär čimj kina bē, ištj zua bē, az išta kina badom baštj zua; čimj zua bjhb, ištj kina, tj išta kina bída ba čimj zua.» Xoja Nasir rozi bē, ba jandjšon dásjšon dóe, hič či sjaxánada be njšün. Xoja Nasir o gárde bašta Jamani šahar. I sori badiga xoja Nasiri glai zua (zoa) bē, čai nómišon nóe Mähämmäd. Penj sori badiga xoja Nasir še išta boa tóniku, bjvindj čai čič bā. Ome dijšta šahri tajiron, e main glai čimánada honi tónikū. Ba xoja Nasiri šango γusl vojib bē, še ba honi γusl bjka. Ome honi tóniku, ołatónišan eváte, piáše dáníštj. Ba váxtada kimix ome, ávjš gáte, bárdiše ai baha. Mašta bē, tajiron vīnde — xoja Nasir išta manzjłada ni, navain ai, čai ołatónišon vīnde honi tóniku, ištáníšon njznašone vīnde; majus vā γámgin bīn, o gárdin bašta ka. Čai xoja Nasiri mołónišon dóšone ba čai ženi. Čan sori badiga čai zoa joł ba, vótše bašta moa: «Čimj pj čj sanat akai, ázän a sanati bakam.» Čai nana vóte: «Čai sanat tajirati bē.» Mammadi vote: «Naná,

ázán tajirati bakam.» Čai mo (nana) ba Mammadi čai pja moľóniň hammaš doe, a moľóni ki róada o gardá be vā ambóada girdá bā bē. Mammād hamon moľóniň ba yatiron boš kárde, še dišta pja hamron ba Isfohoni šáhr. Čai hamron išta moľóniňson hama havátišone, či Mammadi moľ mánde. Či Mammadíku xaba gátšone: «Bó či tji išta moľóni náhvate?» Mämmädi vote: «A (z) či zjndam moľ havatē?» Čai hamron šin ba xoja Sefi, vótšone: «Išti boá zo oma ba Isfohoni šáhär, išta moli zjndani havatē.» Xoja Sefi masáše, ome, išta boá zóš bärde bašta ka, čai moľóniň haváte, čai puľúnjň hama dóe bai; išta kinä kabínjňson bñrie bo Mammadi, čai tadorfkiň vñnde, dóše bai, ba roš daγände. Mammadi išta pavandi — Esnaš — pe gáte, ba ro daginíe di kajova, ome, hamun honi saiku eme ki čai pja ajo kjiñjñ bårdá bē. Čai pavandi kajova čáiku dúaro bē. Mammad šango áišti, še Esna tóniku, vñdišje — av hiťá; ráhmiň omē, av nihiťe, čai mahbubatiň vñnde, bai ašjγ bē, jn mahneš vote:

«Boi, j sá išti tarifi az ba tji bóvotjñ,

Ba tarif avóniň, tji mahbúbiň, mahbub.

Hič aib ba tñku ni, mahbub,

Be áibiň, bē nišóniň, mahbúbiň, mahbub.

Išti lñbúton jaγúte, dandonóni hindosi,

Baštj gľai múa xóľa baginíe či Híndi xarj,

Išti barobär ni girji,

Ločíníň, mahbúbiň, mahbub.

Išti jamoľ mñnavvar, gardánj mino,

Mjñi ižon ba otašon da noa.

Išti a sipía bulula badan, toža nožjka sinä,

Gľai húrta sifát, mahbúbiň, mahbub.

A jñvon pi abjñi išti dasi bjgato,

Mammad tarif bakarde išti xatti va xoli,

Išti jamoľ ovainá-ē, mahbúbiň, mahbub.»

Jn mahne vota ba pešt či Esna dímjň mačaš karde, čai giozaš be várde, bušü bašta kajova. Roš dagižnue šango, še ba dijo (dojo)

kano, nište ba sa gľai siγj, ča siγj žin tóno giozaš nioš karde. Kjmñx dojóada di gami navéda bē. Mammadiň vñnde dijo kano, ome, gátše, ávjš asíríň kárde, bárdjše bošta podšo. Podšo hamue bašta vaziri, Mammadi bñkištñ bo ájo, kabob bñkan, bñdan bai, av baha. Vaziri ráhmiň ome ba Mammadi sápinga ai Mammad vē mahbub bē, ba podšoš vóte: «Podšo sáγ bñbñ! Išti bō ša ba neči; to sa čai ome čai sai mábjr; ištj bō bome, ba í jo bahárdion.» Podšo ba ámaljň várde vaziri sijan, hamuáše Mammadi danan ba dusax to sa čai boa omē. Mammad dusaxánada bíada či kjmmjñ podšo kinä ašjγ be bai, odámjň voγände čai tóniku: «ai be kan, búan ba bóγ.» Mammadjňson várde ba boγ. Podšo kinä še čai tóniku, vótše: «Tñni di rñzi badíga kabob bakardēn, bó či boštáno fikri kárdaniň?» Mammad bame vā vótēše: «Az čič bñkam, čimj kí hēse vā kí ba mj komak baka, ba kí az lozjmim?» Kinä vote: Mábam, az bo tñno (tóno) čara bakam, az ba tji ašjγ bam, mahabbátjñ ba tji hēse, išta pja moa šó badōm, tñni bagatēm. Ágär tji mjñi bñsanoš, az tñni bē ba kardēm vā baštj vatan tñni ba bardēm. Fikr máka, az ba tji vē asjγ bam.» Zoa sijániň dóe, vótēše: «Yassam bñbo ba Xjdo ki mjñiň vā tñniň híčadaš xaľx kardá. Az tñni basēm, híč tñni šo adánim, ágär tji mjñi čiγñ be koš!» Čimi vota ba pešt kinä di zoa das ba gardan bñn, ijandjňson mača karde. Kina bñ saatta hókmjň kárde ba gamiči; av bo jmoni di kasí-an xalbat bñbā, hamun ba vñrada bñna ki Mammadjň čiγñ vardá. Gamiči avóniň djglan ba gamiň noá, bárdjše, ba vñradaš nóe. Kinä ba gamiči púljš vē dóe, avjš va dóe. Mammadi giozaš žiada siγj xalbátjň be várde, nóše bašta jif ki podšo kinä nñvindi. Avon di kasíán išta oľatóniňson šo dóe, ba daviša libos da šin, xjřjñiňson pur di γizjli pe gátšone, bašta dúššon nóe, ba ro daginñ; vē šin, ba viša dičo bñn, viša kanóada nñštñ, išta dinji bñsinnan. Kinä išta saš nóe ba sa zoa zonósa, vótēše: «Tj čimj kešigi bñkaš, az tikai bñhñtñ vā išta dinji bñsanim; az baištem, tji išta sai banoš ba sa čimj zono, ázan ištj kešigi bakašēm». Zoa rozi bē; kina hñte, zoa išta jífadaš giozaš be várde, damánde šo dóe, gatē. Ba váxtada gľai put omē, a giozaš gáte bašta čang; žjgoš

zine — gúšte, bárdiše ba sa glai dóisa, níšte. Mammadi kiná saš pe gáte išta zonó sa, nóše ba sa xırjini, še badu gioza, čánaš härákátjš kárde, nıznaše sē pútiku sápiná ai ki put paréda be bđ do bá dō. Zoa vınde «azınim sē» — o garde ba pešo, roš gin kárde vā nıznaše paido kardē; čána härákátjš kárde, kına tóniku bıšü; nıznae šē, kináku jox bē, joilina mánde vā bašta sa veš žē vā vē bame ki kiná mánde vıšá dıláda, dojo kanóada, tarse kına kımıx bıgatı, bıba ba čai vatan.

Į sāt bóamon ba sa xoja Sefı kiná sa, ba sa Mammadi pavandı sa. Esna áištı, išta giozaš išta gıadaš nıvınde, zınáše Mammad čai tóniku oma, čai giozaš bevardá, šá vā áviš dałorznie-ni. Bđ bārada vē ıamgin bē ki Mammádjš išta manzılada nıvınde vā diaiš sthbet nı kardē. Mašta bē. Esna masáe ki tajiron Mammadi navédan, paido karde zındanin. Ba sáta da ba Esna maltım be ki Mammad o gárdıadá ai kımıyđ gatá, bardáše. Mammadi nıbejan Esna ba hič kásiš nıvote, išta kanızıš voyánde, čı Mammadi ołaton várde, Mammadi ołatónjš tá kárde. Hıč kasi áviš nıznae, sápiná ái ki įmon dđ kas í gla séfada bábın vā vē ba jandđ ášın. Esna čı Mammadi ołaton tá karda ba pešt tajiron vē šó bın; žıgóšon zınē (zonē) ki Mammad paido bá. Hama omain báıku, šodıšon kárde. Esna jami tajırónku tavaygoš karde, čó ruž čı honı tóniku bımandın, sápiná ái ki á vıra bai vē xoš oma. Tajıron čai tavaygoš ıabúlēšon kárde. Esnai išta kanızıš nóše išta vırada ki xaıx bızınj čı Mammadi pavandı-e, pe níšte ba asp, čó ruž navē, Mammádjš paido nıznaše kardē, o gárde čodónku. Maškinájo áištın, šın ba Jamani šahri taraf, omain, ba Jamani šáhri kano nim ayaj mandá; piášone bımandın, Mammadi joilina da ro dáıındın. Esnai xabaš sae (sē) čimi sabab tajırónku. Avon vote ki: «Įštı pí hāmiša náda áši, av sakit ba pešt išta káda, amánan ašımon, pídamone čai hırmeti ba tđ bıkamón. Esnai rozi nıbe, vótēše: «Bo móno áibe, šıma dumu tóno bımandan, az náda bıšüm. Šımáku tavaygo kárdam, dđ mı bıšan, mıni ba čımı moa tavıl bıdan.» Esnai sıxanon vē xoš ome ba tajiron, hama i vırada ba Jaman šáhr omain vā Mammadi nana tóniku šın, Esnai tavıl-

šon dóe Mammadi vırada. Mammadi nana nıznaše — įm čımı vajú-e ja čımı zua; vē rozi be tajırónku ki čai zuášon vā čai vajıšon selamát várde. Esnai ízniš sáe išta moáku ki čavon tóniku įm šehri bóvotđ vā avónan amin bıkan. Esnai išta dasónjš pe dóe, įn šehriš háude:

«Xodájá bá ızzát ki xárám mákún,
Zá jırmi gınah šármensárám mákún,
Mára sármesári zá rújē to bás,
Digár šármensárám mákún píše kás.»

Įn šehri handa ba pešt, avon hama šın bašta kaon. Dđ rúži badıga omain Esna tóniku, vótšone: «Ba máku adáte híridadá ómiadá bašémon podšóku dđ tarifi; ba tınan vojıbe diama bıšan va išta ehteramı ba ámal búai, išta pıa čóka kónku ba pešo mámand.» Esnai-án tóhēfei pe gátēše, dımon še ba šahi ıoııuy. Podšo xaba gáte: «Įm mahbúba įıvon čı kı zuá-e?» Tajıron árzišon kárde: «Įıbléje alám, įm čı xoja Nasıri zoá-e.» Podšo čai nómiš xaba gate; av ba podšo vē xoš omē, avónıšan hamma moraxásšon kárde. Čándı ba pešta jo podšo ıošúnjš voyandá be ba sa įm podšósa, (ča podšo nom Ismail bē), piáše dave bıka. Ismail podšo moáttal mánde, nıznaše kı sárkardá bika ba sa išta ıošúni sa. Bđ bārada vazırónjš girda kárde vā mäsláhátjš kárde sárkardá bārada. Hama vazıron mäsláhátjšon zıne ki xoja Nasıri zua Mammad čı ıošúni joı bıbu, bıšü ba davē. Ismail podšo húkamıš kárde ki Mammad ıošúni pégatı, bıšü ba dave ba sa a ıošúnısa. Mammadi ıošúnjš pe gáte, se hissáš kárde, vótēše bašta ıošúni: «Bama łozım oméda, ama ha taráfada šabxun bıkamón já'ni se taráfada šango é vón ba sa ıošúni. Váxtı ki ama šabxónımon kárde, avon i jandđ ıır bakan.» Įm mäsláhátjšon ba ámal várde. Šabxonı karda ba pešt dıšmeni ıošún e gatá bē. Ismail podšo tóniku muštulukči šē. Podšo ba Mammadi vē enámjš dóe vā vazıron vótšone ba podšo: «Tđ išta kına bıda ba Mammadi. Xaıx xaba gátıadá ki ıošúnjš e gáte, bavotēn: «čı podšo jazna bamáno sabarzié.» Ágár bóvoton — «xoja Nasıri zua e gatá ıošún», ba

amáno badnomatí-e.» Im mäslähät ba podšo vë xoš omē. Ai išta kina kabíniš dóše bīrie bo Mammadi. Čiļ ru čīļ šav bo ájo vajaš kárde, ba čai kaš da ro dayánde. Podšo kina ba xoja Nasiri ka oma ba pešt vīndiše — Mammad bai neziki kárdani. Vë rjġkno be vā vótše: «Ei gado zoa, tġ bó čī azmiš baš va čimġku čīči vindá, ba mġku omédaniš? Mägār az ba sa tġ sa bevájim vā čirkínim? Ágār pída ní be, ba čimġ pġa votá bai, čimġ pí-an mġni ba tġ ba zu náđai.» Mammad im sġxani masa ba pešt dagġnié ba kina ġġngon, išta sáda koļoš pe gáte, išta múnġš nišónġš dóe, hárci ba čai sa oma bē, hámaš votē: «Mġ áhdġm kardá, bape čai káda bġmandġm vā ai čaš bġkam: ágār omé—omá, ágār nóme—az čai káda bġmandġm va marda ba pešt čimġ sġrr oško bġbu vā bóvotġn dġnjóada žġgo bafoltía kina hés-bē. Ágār tġnan pída, dġ mġ čaš bġka Mammadi, mandédaš — bġmand, mándaniš — bġši.» Podšo kina soxániš dóe di ai bġmandġ vā ġ sġrrí-án ba hič kasi nívotġ. «Babē, — vóte, — Xġdo bavóniš jazġgatġ bō, Mammadi bavon bġrġsnō.»

Xaba bġdam ba tġ čġ kġmġġġ kináku ki viša dġłada vā dġjo kano joilinā mandá be. Av daļarze, vīndiše — Mammad ní, — žġgoš zġnē — Mammadi áviš šó doa, ištān šá, vótēše: «Ei bġbafo, bašta gora mġ išta pí, mó vā qómġ aġraba vā vatan šo dóme vā tġniš čġ mágada roxníme, tġ mġni nóe bġ biabánada, šiš. Mġ ba tġ čīč karda bē? Imi bġzin — tġ mġni šo doe, áz tġni šo áđanim vā sai bakam, az tġni paido bġkam. Ágār paido nġkōm, bāvada babe zġne ki Xġdo pídašni ama ġ vġrada bġbamon.» In sġxanon vota ba pešt vë bamē, piáše baštá pia ká ó gardġ. Baštániš áriš kárde, o nígardġ, pe gátše xġrġin, ba ro dagġnié, ome ba glai šähr, ome glai ašpezi tóniku mánde, ašpezatiš kárde vā Mammadi roš čaš kárde.

Mammad pútikuš (puti čáŋgadaš) gioza níznaše sē, o gárde, kinā bġsaniġ; kinášān paidoš níznāe kardē, čánaš sai kárde. Čaġġn ome ba ġġłai šähr, mánde banno tóniku šogġrd. Zamini kándiada haft xġmb ġġzil pur paidoš karde, hammaš pe gáte, čai sápeš e kárde, nemek nóše, ġłai kana mačítada nóše, še ba dġjo kano, glaiš gami gáte, hama nemekónġš žē ba gami, bġbā bašta vġlajāt.

Ba gami ža ba pešt ištān še ba vožor, nġn bġsaniġ; o gárde ba pešo, vīndiše — gami šá; bašta saš žē vā bamē, dġ dġjo kano še bádu gami. Šango ome ba ġłai šähr, be še ba vožor, vīndiše — hama dġkónšon žá, čġ glai dġkoni rušniš oméda, ġapuš kúe, hamun kġmġx podšo kinā ba dašt be še zoa ołátada. Áviš bárde ba dġła, vīndiše — im zoa vē ġamġġne; xabáš sae (sē): «Bó čī ġamġġniš, ba tġ čīč bā?» Ba Mammadi sa hárci oma be, bo aiš vóte. Kina čai sġxanon masa ba pešt, vótēše: «Az čī hamun kġmġx podšo kinām, haft xġmbónan mġ sá vā amonátġm saxłamiš kardáme dġ gamiči sġxani, ba čai soġbi bġdam; ágār čai soġb paido bġbū; ġ sa ča xġmbon soġb tġniš; mašta bōmēš, čġ nemeki ġġġmeti boho bavotēš, čġmġ soġb boho banē — asáni. Tġ nemeki ba pešo basēš vā ázan dġ tġ bomēm.» Mašta bē; Mammad sġbhosádġgadá, haši hala pé ma níbe, áište, vožori navē, ízon ome ba dġkon, dġkoni soġbġš vótše: «Čġmġ haft xġmb nemek bġ dġkónšon vardá, avoni ba mġ bġđan.» Dġkoni soġbi vóte: «Ba mġ báhvāt!» Mammadi vóte: «Čġmġ nemeki mán se manóte.» Dġkoni soġb nemekiš boho zġnē, nísaše, dóše ba čai soġbi. Mammadi nemekónġš ba aspon boš kárde, dġ kġmġġġ podšo kinā ba ro dagġnié. Avon róada ba glai rui dġčo bġn, vīndišone — ġłai lotkači odamon dġ lotka o voznéda rúada. Ávvāl šejon nimā vā kġmġġ podšo kináš o vozné ba čá ton, ištān o gárde bo a mandá šejon. Kulos pē gárde, im e ġġnié ba ov (ou), glai doš gáte, pe še ba doi sa, vīndiše — doi sáda ġłai łona h(e)sē vā łona dġłada išta boġunbáġġš vīnde. Lotkačion omain, ávišon e várde čġ dóada, bárdišone, šion tóniku. Čai ba pešta hama išta ołaton dagēšġš kárde va hama xġmbónšon ba aspónšon žē (žáe), omáin bašta šähr. ġłaišon dġkon gate, damándin sarrofati kardē ki bġzġniġ čai káda kí béda. Ba šähr xaba dagġnié ki dġġla sarrof oma, vē mahbúbġn. Esnai im xabaš masē, omē, ištān mérda ołátada sarrofon tóniku. Ba váxtada čai ámuzuaš zġne, Mammadi áviš níznē. Šav bē; Mammadiš ġonáġġš vaġ kárde. Oma ba pešt, ištānšon bajandġ tanġttġrmġššon kárde. Mammadi išta dġkónġš ġġrda kárde, bašta ká šē. Čiļ ru čīļ šav vajaš kárde, dġ xošbaxtati mándin žġe; ba hama faġġrón, saġġrón, véva ženón komáġġš

kárde vä maşyul bin ba čóka savóba kōn. Va hama segla ženon dijandj čóka raftórijšon kárde ki čavon šú čavónku nárjši. Podšo jm ähvołotj zina ba pešt, bašta rajatóništ vä ba façıron vē rúlišt baçıšlamíšišt kárde vä šodíšt kárde vä hamon ča xođa Sefi kináš bašta kinatišt pe gáte vä hamuáše bašta jázna jmi ba ženon joł bika vä čai hürmät ó gatin. — O raħác, šē.

(Перевод).

Жил-был в городе Ямане (Йемене) один купец, имя его было Ходжа Насир, сам он был бездетен. Его занятие было такое — товары покупать и продавать. Однажды взял он товары и пустился в путь и приехал в город Исфаган. После того как он в тот город приехал, кликнули клич, что Ходжа Насир приехал, чтобы товары продавать. Народ собрался вокруг него. Хотели товары купить в кредит. Он не дал, сказал: «Лишь в одни руки¹ я продам, (и только) за наличные.» Они не смогли купить (на таких условиях). Пришел Ходжа Сефи, взял товары и деньги заплатил наличными. Когда Ходжа Насир продал свои товары, он побратался с Ходжа Сефи и у него провел в гостях одну ночь. Ходжа Сефи Ходжа Насира повел ко всем своим женам и сказал: «Братец, от этих сорока жен бог мне детей не дал.» Когда наступил другой день, Ходжа Сефи повел Ходжа Насира гулять в сад. Они подошли к одному водоему и увидели, что посреди него яблоко то погружается, то подымается. Ходжа Сефи сказал: «У нас у обоих детей нет, съедим это яблоко, быть может, — сказал он, — бог от него нам даст детей.» Они положили (такое) условие: «Если у меня будет дочь, а у тебя сын, я свою дочь отдам за твоего сына; будет у меня сын, а у тебя дочь, ты свою дочь отдай за моего сына.» Ходжа Насир согласился; они друг другу подали руки, чтобы отнюдь не отступать от этих слов. Ходжа Насир возвратился в свой город Яман.

¹ Букв. «одному человеку».

Спустя год у Ходжа Насира родился сын, имя ему дали Меммед. Пять лет спустя Ходжа Насир отправился к своему (названному) брату посмотреть, что с ним случилось. Он поехал с купцами своего города; (по дороге) они остановились на лугу у источника. Ходжа Насиру вечером понадобилось совершить омовение; пошел он к источнику совершить омовение. Подошел к источнику, снял одежду, захотел присесть. В это время явился «кымых»,¹ его схватил, понес, чтобы съесть. Наступило утро. Купцы увидели — нет Ходжа Насира на его стоянке, стали его искать, увидели его платье близ источника, самого же его не смогли увидеть; они пришли в отчаяние, опечалились и возвратились по своим домам. Товары же Ходжа Насира они дали его жене. Несколько лет спустя его сын вырос и сказал своей матери: «Мой отец каким делом занимался, я также то дело буду делать.» Его мать сказала: «Занятие его было торговля.» Меммед сказал: «Мама, я тоже займусь торговлей.» Его мать Меммеду все товары его отца дала, те товары, которые с дороги возвратились и в амбаре были сложены. Меммед эти самые товары на мулов навьючил и отправился со спутниками своего отца в город Исфаган. Его спутники свои товары все продали, Меммеда же товар остался. Они спросили у Меммеда: «Почему ты своих товаров не продал?» Меммед сказал: «Я что знаю, как товар продавать?» Его спутники пошли к Ходжа Сефи и сказали: «Твоего брата сын приехал в город Исфаган, товара же своего продать не умеет.» Ходжа Сефи услышал (это), пришел, своего брата сына привел в свой дом, его товары продал, его деньги все ему отдал; свою дочь он выдал замуж за Меммеда, приданое ее приготовил, отдал (ее) ему и в путь (их) отправил. Меммед свою невесту, Эсна, взял, пустился в путь с носилками (кеджавэ),² приехал к тому самому источнику, остановился там, где его отца унес «кымых». «Кеджавэ» его невесты находилась вдали от него.

¹ «Кымыхи» — людоеды.

² «Кеджавэ» — род корзины с верхом; один мул несет две таких корзины, уравновешивающих друг друга.

Меммед вечером поднялся, подошел к Эсна, видит — она заснула; он почувствовал нежность, (сам) спать не лег, увидел свою (красавицу), в нее влюбился, и вот эти стихи произнес:

«Приди, я сейчас тебя буду описывать,
 «Невозможно тебя описать, — ты красавица, красавица,
 «Нет у тебя ни одного недостатка, красавица,
 «Ты без недостатков, ты без приметы, ты красавица, красавица!
 «Твои губы — яхонт, твои зубы (черны), — как индеец,
 «Волоски твоей родинки стоят дани всей Индии,
 «Не сравнится с тобой грузинка,
 «Ты белый сокол, красавица ты, красавица!
 «Твоя красота освещает светом, твоя шея — эмаль,
 «Снова меня ты ввергла в огонь,
 «У тебя белое хрустальное тело, молодая изящная грудь,
 «У тебя — качества гурии, — красавица ты, красавица!
 «Не состарится тот юноша, если он возьмет твою руку,
 «Меммед опишет твои черты и родинки,
 «Твоя красота — зеркало, — красавица ты, красавица!

Сказав эти стихи, он поцеловал лицо Эсны, снял ее ожерелье, хотел пойти к своей «кеджавэ». (Но) вечером он сбился с дороги, вышел на берег моря, сел на камень и внизу под тем камнем спрятал ожерелье. По морю на корабле развезжал «кымых». Он увидел Меммеда на берегу моря, пришел, схватил его, пленил и понес к своему царю. Царь приказал своему везиру, чтобы Меммеда убили для него, сделали бы (из него) кебаб (жаркое) и подали бы ему, чтобы он съел. Везир почувствовал сострадание к Меммеду, потому что Меммед был очень красив, и сказал царю: «Пусть здравствует государь! Твой брат пошел на охоту; до его прихода голову его (юноши) не отрезывай; твой брат придет, вы вместе покушайте.» Царь исполнил слова везира, приказал, чтобы Меммеда посадили в тюрьму, пока не придет брат (царя). В то время, как Меммед находился в тюрьме,

дочь царя кымыхов в него влюбилась; она послала к нему людей, (приказав): «Его извлеките, приведите в сад.» Меммеда доставили в сад. Царская дочь пошла к нему и сказала: «Тебя два дня спустя зажарят на жаркое, почему же ты о себе не думаешь?» Меммед заплакал и сказал: «Что мне делать, кто у меня есть и кто мне поможет, кому я нужен?» Девушка сказала: «Не плачь, я для тебя средство придумаю, я в тебя влюбилась, у меня к тебе любовь, своих отца — мать я оставляю, тебя возьму. Если ты меня возьмешь, я тебя выведу (из тюрьмы) и на твою родину тебя увезу. Не тревожься, я в тебя очень влюбилась.» Юноша дал слово, сказал: «Клянусь богом, который меня и тебя из ничего создал. Я тебя возьму, никогда тебя не брошу, если ты меня отсюда извлечешь.» После того как он это сказал, девушка с юношей обнялись и друг друга поцеловали. Девушка в то же время приказала корабельщику, чтобы он их обоих тайно отвез, в то самое место доставил, откуда он Меммеда привез. Корабельщик их обоих поместил на корабль, повез, в то место их доставил. Девушка корабельщику много денег дала и его отпустила. Меммед ожерелье из под камня тайно вынул, положил в свой карман, чтобы царская дочь не видала. Оба они свои одежды бросили, оделись в платья бедняков, взяли переметные сумы, полные золота, положили на свои плечи и пустились в путь; много они шли, попали в лес, на опушке леса сели, чтобы отдохнуть. Девушка свою голову положила на колени юноши и сказала: «Ты меня охраняй, я немного посплю и отдохну; (потом) я встану, ты свою голову положишь на мои колени, я же тебя буду охранять.» Юноша согласился; девушка заснула, юноша из своего кармана вынул ожерелье, начал его подбрасывать и ловить. В это время прилетел орел, схватил ожерелье своими когтями; он так подумал, что это мясо, понес на верхушку дерева и сел. Меммед голову девушки сложил со своих колен, положил на переметную суму, пошел вслед за ожерельем, но сколько он ни метался, не смог отнять от орла, потому что орел перелетал с одного дерева на другое. Юноша увидел, — «не смогу

я взять (ожерелья),» — повернул обратно и потерял дорогу и не смог ее найти; сколько он ни метался, чтобы выйги к девушке, он не смог выйти (к ней) и отделился от девушки, один-одинешенек остался и много колотил свою голову и много плакал (о том), что девушка осталась посреди леса, на берегу моря, боялся, что кымых ее схватит и унесет на ее родину.

Теперь пойдем к дочери Ходжа Сефи, к невесте Меммеда. Эсна встала, своего ожерелья на своей шее не увидела, поняла, что Меммед приходил к ней, ее ожерелье снял и ушел и ее не разбудил. По этому поводу она очень опечалилась, что Меммеда на своей стоянке не увидела и с ним даже не побеседовала. Наступило утро. Эсна услышала, что купцы Меммеда разыскивают, но найти не могут. Тогда для Эсна стало ясно, что в то время как Меммед возвращался, кымых его схватил и унес. Про отсутствие Меммеда Эсна никому не сказала, свою служанку послала принести одежды Меммеда и платье Меммеда надела. Никто ее не узнал, по той причине, что они оба произошли от одного яблока и очень друг на друга походили. После того как Эсна надела платье Меммеда, купцы очень обрадовались; они так подумали, что Меммед нашелся. Все пришли к нему и радовались. Эсна всех купцов упросила, чтобы они четыре дня оставались бы около источника, потому что то место ей очень понравилось. Купцы на ее просьбу согласились. Эсна свою служанку поставила на свое место, чтобы народ подумал, что она невеста Меммеда, села верхом на лошадь и четыре дня искала, но Меммеда разыскать не смогла и возвратилась обратно к шатрам. На следующее утро (все) поднялись, поехали в сторону города Ямана, подъехали (к нему), до окраины города Ямана оставалось всего пол-агача;¹ они пожелали остановиться, а Меммеда одного выслать по дороге (вперед). Эсна спросила причину этого у купцов. Они сказали: «Твой отец всегда, бывало, ехал впереди;

после же того как он водворялся в своем доме, и мы тоже подъезжали; мы хотим уважение, какое ему оказывали, оказать и тебе.» Эсна не согласилась и сказала: «Мне не подобает, чтобы вы оставались позади, а я бы вперед ехал. Я вас прошу, поезжайте со мною и меня моей матери передайте.» Слова Эсна очень понравились купцам, все вместе приехали в город Яман и направились к матери Меммеда и сдали (ей) Эсна вместо Меммеда. Мать Меммеда не знала — «моя ли это невестка или мой сын» — и была довольна купцами, что они ее сына и ее невестку благополучно доставили. Эсна получила разрешение от своей матери сказать в их (купцов) присутствии эти (вот) стихи, а они бы пусть сказали «аминь». Эсна свои руки подняла кверху и эти стихи пропела:

«О боже! В (твоем) величии не делай меня презренным,
«Не делай меня посрамленным (моими) преступлениями и грехами,
«Достаточно мне посрамления от лица твоего,
«Не делай меня еще посрамленным перед кем либо.

После того как она пропела эти стихи, они все пошли по своим домам. Два дня спустя они приехали к Эсна и сказали: «У нас обычай, — возвращаясь с покупки (товаров), мы идем к царю с подношениями; и тебе нужно с нами пойти и выразить (ему) свое уважение; от хороших дел своего отца ты не отставай.» Эсна также взяла подарки и с ними пошла к царю.¹ Царь спросил: «Этот красивый юноша чей сын?» Купцы доложили: «Кыбла² мира, это сын Ходжа Насира.» Царь спросил о его имени; он очень царю понравился, всех их он отпустил. Некоторое время спустя другой царь свое войско послал на этого царя (имя этого царя было Исмаил), хотел с ним воевать. Царь Исмаил растерялся, не знал, кого сделать главным начальником

¹ Букв. «на службу царя».

² «Кыбла» — сторона, в которую обращены взоры молящихся мусульман (т. е. Мекка).

¹ «Агач» — расстояние, соответствующее персидскому фарсаху, т. е. 6—7 верстам.

над своим войском. По этому поводу он собрал своих везиров и стал с ними совещаться относительно главного начальника. Все везиры порешили за лучшее, чтобы сын Ходжа Насира Меммед начальником над войском был и пошел бы воевать. Царь Исмаил дал приказ, чтобы Меммед войско взял, пошел бы на войну с тем (вражеским) войском. Меммед взял войско, разделил его на три части и сказал войску: «Нам необходимо с каждой стороны произвести ночное нападение, то есть, (надо), чтобы мы с трех сторон ночью напали на (то) войско. Когда мы ночное нападение сделаем, они друг друга перебьют.» Это решение они привели в исполнение. После того как было произведено ночное нападение, вражеское войско было разбито. К царю Исмаилу направился вестник. Царь дал Меммеду много подарков, а везиры сказали царю: «Ты свою дочь отдай за Меммеда. Когда народ узнает, что он разбил войско, он скажет: «(это) зять царя» — для нас это (будет) гордость; если же скажут — «сын Ходжа Насира разбил войско,» — для нас это (будет) бесчестие.» Этот совет царю очень понравился. Он свою дочь приказал сочетать браком с Меммедом. Сорок дней, сорок ночей он справлял его свадьбу, (затем) отправил его домой. Когда царская дочь приехала в дом Ходжа Насира, увидела, что Меммед с ней не сближается. Она очень рассердилась и сказала: «Ах ты сын нищего, ты в чем ошибся и от меня что видел, что ко мне не приходишь; разве я хуже тебя и некрасивее? Если ты не хотел, сказал бы моему отцу, ведь мой отец меня тебе насильно не отдал бы.» Когда Меммед услышал эти слова, он упал к ногам девушки, снял со своей головы шапку, свои волосы показал, все что с ним случилось, все рассказал: «Я вышла замуж; надо, чтобы я оставалась в его доме и его ожидала; если он придет — хорошо, если не придет, я в его доме умру, а после того как я умру, пусть моя тайна станет известной и пусть говорят — «на свете была такая верная девушка.» Если и ты хочешь со мной ожидать Меммеда, и останешься, то оставайся, а не останешься, то уходи.» Царская дочь дала слово с ней оставаться и эту тайну

никому не говорить. «Быть может,» — сказала она, — «Господь над нами сжалятся, Меммеда нам¹ доставит.»

Сообщи я тебе о дочери (царя) кымыхов, которая посреди леса, на берегу моря одна осталась. Она проснулась, видит — Меммеда нет; так она подумала, что Меммед ее бросил, сам ушел; она сказала: «О неверный! Из за тебя я своего отца, мать, племя и родню и родину оставила и тебя от смерти спасла, ты же меня оставил в этой пустыне и ушел. Что я тебе сделала? Знай же, — ты меня бросил, я же тебя не брошу и постараюсь тебя найти. Если я не найду, тогда нужно думать, что бог не хочет, чтобы мы были вместе.» Сказавши эти слова, она очень заплакала и захотела возвратиться в дом своего отца; но постыдилась себя, не возвратилась, взяла переметную суму, пустилась в путь, пришла в один город, пришла к одному содержателю харчевни,² осталась (у него), стала стряпать и поджидать Меммеда.³

Меммед от орла (из когтей орла) не смог взять ожерелья, возвратился, чтобы взять девушку; но и девушки он не смог найти, сколько он ни старался. Оттуда пришел он в один город, остался (там) у одного строителя в качестве подмастерья. Копая землю, он нашел семь кувшинов, полных золота, всех их он взял, сверху (часть золота) ссыпал, соли насыпал, положил в одной старой мечети, пошел на берег моря, корабль нанял, всю соль погрузил на корабль, чтобы отвезти на свою сторону. После того как он погрузил (ее) на корабль, сам пошел на базар купить хлеба; возвратился, — видит, — корабль (уже) ушел; ударил он себя по голове и заплакал, по берегу моря пошел за кораблем. Ночью пришел он в один город, пошел на базар, видит, — все (уже) лавки заперли, из одной же лавки свет идет; постучал он в дверь, и вот та самая дочь царя кымыха вышла в платье юноши. Она его ввела внутрь (лавки); видит она, — «этот юноша очень печален», — спросила: «Отчего ты печален, что с тобой

¹ В тексте «над ними» и «им».

² Точнее «повару».

³ Букв. «посматривать на дорогу Маммеда».

случилось?» С Меммедом все, что случилось, он ей рассказал. Выслушав его слова, девушка сказала: «Я дочь того самого царя кымыхов, я взяла (твой) семь кувшинов и сохранила поклажу согласно слову корабельщика, чтобы отдать ее хозяину (ее), если ее хозяин отыщется. Теперь (оказывается), ты хозяин тех кувшинов; завтра ты придешь, скажешь цену-стоимость той соли, мой хозяин цену знает, (соли) не купит. Ты соль назад возьмешь и я также с тобою пойду.» На другой день Меммед чуть свет, когда солнце еще не встало, поднялся, пошел бродить по базару, снова пришел в лавку, увидел хозяина лавки и сказал: «Мои семь кувшинов соли в эту лавку принесли, их мне отдай.» Хозяин лавки сказал: «Продай мне.» Меммед сказал: «Моей соли один «ман»¹ (стоит) три рубля.» Хозяин лавки цену соли знал, не купил, отдал (ее) владельцу. Меммед соль нагрузил на лошадей и с дочерью царя кымыха пустился в дорогу. Они на пути встретили реку, видят — лодочник людей в лодке перевозит через реку. Сперва половину вещей и дочь царя кымыха он (Меммед) перевез на ту сторону, а сам поехал назад за оставшимися вещами. Лодка перевернулась, он упал в воду, ухватился за дерево, взобрался на его (верхушку), видит, — на верху дерева гнездо, а в середине гнезда он увидел свое ожерелье. Подъехали лодочники, его сняли с дерева, подвезли к (его) вещам. После того он все свои одежды переменял и все кувшины на лошадей навьючил, и приехали они в свой город. Наняли они лавку, начали заниматься разменом денег, чтобы узнать, кто бывает в его доме. По городу прошла весть, что приехали два менялы, что они очень красивы. Эсна услышала об этом, пришла в своем мужском платье к менялам. И вот тогда его двоюродный брат (т. е. Эсна) его узнал, а Меммед ее не признал. Наступил вечер, Меммед созвал гостей. Когда (они) пришли, то они (т. е. Меммед и Эсна) друг другу объявились. Меммед свою лавку сложил и перешел в свой дом. Сорок дней, сорок ночей играл он свадьбу, и стали они жить в счастье; всем бедным и сиротам и

вдовам он оказывал помощь, и занялись они хорошими праведными делами. И все три жены друг с другом хорошо обходились, чтобы их муж на них не обижался. Когда царь узнал об этих обстоятельствах, своим подданным и бедным он много денег подарил и ликовал и ту самую дочь того Ходжа Сефи удочерил и приказал своему зятю, чтобы он ее сделал старшей над женами и чтобы он ей оказывал уважение. — Кончилось.

V.

Głai podšo hes-bē, čášada maif bē, įšta topraγda čáxda hakim hes-be, várdēše bašta čašío mālija bika, mālija nįbē. Glai davüş omai, čai qapısa mändē; podšo vazir omai, vótēše ki: «Tį ío bó či mánadaš, čėci pída?» Davüş vótēše: «Hėčim pídani; az podšo vindanínim.» Vazir še, ba podšoš vóte, vótēše: «Qıbléje - alám głai davüş oma, vótšc — «az podšo vindanínim.» Podšo ízniš dóe, vótēše: «Bó ba mįku.» Davüş še ba podšo xıtmát, árziš kárde: «Qıbléje - alám, ištį čašon maifin, ío bį tįno mālija ní babē; głai mói hėste dijóada; mągär ai bįdoš gatē, ča moi xuní bašta čaš é koš, ištį čaš čók babē.» Podšo įšta zuaš vąngiš kárde, dóše vardē, bašta zuaš votē: «Balá, čan muddáte, čan sóre, čimį čašon maifin; čáxada hakim várdáme, bįšta čaši mālijam dóme kardē, mālijápazir nįbē. Davüş bamįš vóte: «bištį čašío hič mālija ní babē, mągär głai mói hese dijóada, bį nóm, bį nišón, ai bįda gatē dijóada, čai xuní é ka bašta čaš, ištį čaš čók babē.» A čai zua dí hazo qošúnįš torči pe gáte, da še ba gami, še ba dijo dim; įšta domónšon e γánde, se mang ałašmiš bín, harakátįšon kárde, a moi nįbe, á ki davüş votá bē; čan milion móišon gáte, á moi nįbe. A šaxson inįimiš bín: áxada dijo dimísa dómišon e γánde, čáxada móišon gáte, diáišon kárde, a mojí ki davüş votá be, ba núm, ba nišón moi čį moi dijáda ni; a gata móišon e kárde ba dijo (dojo). Podšo zua bavon vótše, bašta qošüni vótēše: «Inįimiš bímon, se mąnge ama dom e γándamon, moi ni. Davüş ištó głai sįxan bi jo votáše; ama ki inįimiš bímon. Čan vąxtē, müddáte bį

¹ «Ман» — весовая единица от 8 до 15 фунтов.